

СТЕЙСИ САНДЕРС

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ПЛЕННИЦА
твоего МИРА

18+

Стейси Сандерс

Пленница твоего мира

«Автор»

2026

Сандерс С.

Пленница твоего мира / С. Сандерс — «Автор», 2026

Изадора Валериос, дочь разорившегося левантийского торговца, оказывается в самом сердце пустыни не как гостя, а как живой залог за долги отца. Ее покупатель — шейх Малик аз-Заман, правитель, чье имя внушает трепет, но чье королевство раздираемо внутренними распрями и угрозой колонизации. В золоченой клетке цитадели Каср-аш-Шамс Изадора обнаруживает, что она — не просто игрушка, а пешка в опасной политической партии. — Вы знаете, почему вы здесь, Изадора Валериос? — Его голос был низким, с легкой хрипотцой, которая, казалось, вибрировала в самом воздухе. — Потому что мой отец — азартный игрок и плохой делец, а вы — человек, который не прощает долгов, — ответила она, делая шаг вперед. Мужчина медленно обернулся.

© Сандерс С., 2026

© Автор, 2026

Стейси Сандерс

Пленница твоего мира

Глава 1

Воздух в ущелье напоминал густой, перечный бульон, который приходилось не вдыхать, а буквально проглатывать. Изадора Валериос чувствовала, как мелкий, подобный пудре песок скрипит на зубах и забивается в складки ее дорожного платья, когда-то изысканного, а теперь превратившегося в пыльную ветошь.

— Не поднимай глаз, — прошептал ее отец, Эдгар. Его голос, обычно звонкий и уверенный, когда он торговал специями в порту Смирны, теперь дрожал, как натянутая струна. — Ради всего святого, Изадора, просто молчи.

Её облик был соткан из тех самых неуловимых полутонов, что живут лишь на стыке света и тени. Длинные, густые волосы цвета спелого каштана тяжелой волной ниспадали на хрупкие плечи. В лучах закатного солнца каждая прядь вспыхивала медным золотом, а в пасмурный день они напоминали темный, горький шоколад, в котором запутались отблески далеких гроз. Когда Изадора встряхивала головой, этот шелковый водопад струился по спине, словно живая, дышащая материя, хранящая тепло её тела.

Лицо её было овальным, с мягкими, плавными линиями, которые хотелось обводить кончиками пальцев. Но истинным магнитом были её глаза — два бездонных омута цвета горького шоколада или спелого коньяка. В них не было ровной однотонности: радужка играла сотнями оттенков — от глубокого кофейного до теплого янтарного у самого зрачка. Взгляд этих карих глаз был подобен тихому пламени: он мог согреть одним лишь своим присутствием, но в моменты задумчивости становился тяжелым и непроницаемым, словно скрывал за собой тайные тропы в неизведанные миры. Длинные ресницы, бросая густую тень на нежную кожу щек, придавали её облику легкую загадочность.

Венчали эту картину губы — чувственные и по-детски пухлые, словно созданные для того, чтобы дарить улыбки. Они были подобны лепесткам только что распустившейся розы: мягкие, сочные, с четким, изящным изгибом. Даже когда она молчала, эта линия рта притягивала взгляд, обещая нежность и скрытую страсть. Когда же уголки губ трогала едва заметная улыбка, всё лицо преображалось: в глазах загорались лукавые искорки, а на щеках расцветали ямочки, делая её похожей на озорного ангела.

Вся её внешность дышала какой-то первозданной, естественной красотой. В ней не было холодной выверенности манекена; это была живая, трепетная гармония, где каждый элемент — от благородного изгиба шеи до легкого румянца на высоких скулах — находился на своем единственно верном месте. Это был образ женщины: теплой, щедрой и немного меланхоличной.

Она не ответила. Вместо этого она крепче сжала пальцы, чувствуя под ногтями засохшие следы чернил — единственное, что осталось от ее прежней жизни, от часов, проведенных за каллиграфией в прохладной библиотеке. Она смотрела прямо перед собой, туда, где из красно-

розовых скал Хаджарских гор выростала цитадель Каср-аш-Шамс. Крепость Солнца не была построена на вершине — она была высечена в самой плоти камня, словно гигантское доисторическое чудовище, застывшее в вечном прыжке. Надвратная башня щетинилась не только древними зубцами, но и чем-то совершенно неуместным: тонкими, черными нитями телеграфных проводов, которые тянулись к горизонту, связывая это суровое средневековье с наступающим девятнадцатым веком.

Караван остановился. Запахло верблюжьим потом, жареным мясом и чем-то горьким — ароматом дикого ладана, который здесь жгли повсюду.

— Привез? — Голос прозвучал как удар хлыста.

Изадора вскинула голову, нарушив запрет отца. Перед ними стоял человек, похожий на ожившую тень. Кожа, дубленая солнцем до цвета черного дерева, глубокий шрам, и глаза, в которых не было ничего, кроме холодного профессионализма воина. Зайд аль-Харби. Он не смотрел на Эдгара. Его взгляд медленно, почти осязаемо, скользнул по Изадоре — от ее спутанных каштановых кудрей до носков запыленных туфель.

— Товар соответствует описанию, — бросил Зайд, и от этого слова «товар» у Изадоры внутри все заледенело, несмотря на сорокаградусную жару.

— Она... она знает языки, — затараторил Эдгар, вытирая пот со лба дрожащей рукой. — Французский, английский, арабский... Она читает классиков, она пишет как мастер... Она стоит вдвое больше, чем я должен!

Его фигура, некогда, должно быть, прямая и сильная, теперь была согнута под тяжестью прожитых лет и непосильного бремени. Он стоял, пытаясь сохранять самообладание, дневной свет выхватывал лишь отдельные, самые резкие черты. Его лицо было, изрезанно глубокими, как овраги, морщинами — они тянулись от крыльев носа к уголкам губ, залегали на высоком лбу и в уголках выцветших, почти бесцветных глаз. В этих глазах застыла не столько старость, сколько свинцовая, безысходная тоска. Взгляд был потухшим, он смотрел не на «покупателя», а сквозь него, в пустоту, где не было ни надежды, ни будущего.

Кожа на его лице напоминала пергамент — сухая, желтоватая, туго обтягивающая скулы. Щеки ввалились, отчего линия челюсти казалась неестественно острой. Седая щетина, отросшая за несколько дней, уже не могла скрыть болезненной бледности. На висках и затылке сквозь редкие пряди волос просвечивала кожа с пигментными пятнами. Руки, сцепленные в замок перед собой, выдавали в нём бывшего труженика: широкие ладони с узловатыми пальцами и вздувшимися венами сейчас мелко дрожали. На костяшках правой руки виднелся старый, давно заживший шрам — память о какой-то давней схватке или несчастном случае.

В этой жалкой фигуре читалась вся история его падения: от человека, который пытался прокормить семью, до отчаявшегося старика, для которого собственная дочь стала разменной

монетой в сделке с судьбой. Он не кланялся и не лебезил; его поза выражала лишь бесконечную усталость и покорность року.

— Она стоит ровно столько, сколько шейх решит за нее заплатить, — отрезал Зайд. Он шагнул вперед, и Изадора инстинктивно отпрянула, но воин лишь протянул руку и грубо схватил ее за подбородок, поворачивая голову к свету. - Его пальцы были жесткими, как наждачная бумага. Изадора почувствовала, как в ней закипает ярость — чистая, обжигающая, та самая, что всегда мешала ей быть «приличной дочерью». Она не отвела взгляда. Она смотрела в глаза Зайду, пока тот не нахмурился и не отпустил ее. — У нее взгляд дикой кобылицы, — заметил он. — Шейх Малик не любит строптивых.

— Шейх Малик ценит редкости, — парировала Изадора, и ее голос прозвучал удивительно твердо. — А я — самая редкая вещь, которую мой отец когда-либо пытался продать.

Эдгар охнул, а Зайд неожиданно оскалился в подобии улыбки, обнажив ряд ослепительно белых зубов.

— Идем. Шейх ждет.

Изадору повели вглубь крепости. Как только они миновали массивные ворота, обитые медью, мир изменился. Звуки пустыни — завывание ветра и крики погонщиков — сменились тишиной, нарушаемой лишь тихим журчанием воды в скрытых каналах. Температура упала на десять градусов. Стены здесь были гладкими, отполированными до блеска, а полы выложены мозаикой, изображающей созвездия.

Их вели долго, через анфилады комнат, где тяжелые шелковые занавеси пахли мускусом и розовой водой. Изадора замечала детали: британский хронометр на стене рядом с древним кривым кинжалом, стопки книг в кожаных переплетах, запах дорогого табака. Это не был гарем из сказок — это был штаб человека, который жил в двух мирах одновременно.

Они остановились перед высокими дверями из резного сандала. Зайд кивнул стражникам и жестом приказал Изадоре войти. Эдгара придержали за плечо.

— Отец? — Валериос обернулась, ее маска уверенности на мгновение треснула.

Эдгар не смотрел на нее. Он изучал свои сапоги. В этот момент Изадора поняла, что она больше не дочь. Она — расписка. Она — золото, которое вернулось в казну. Дверь закрылась за ее спиной с глухим, окончательным стуком.

Комната была огромной, с полукруглым окном, выходящим на каньон. В центре стоял массивный стол, заваленный картами, чертежами и какими-то металлическими приборами. У окна, спиной к ней, стоял мужчина. Он был высок, широкоплеч, одет в просторную белую рубаху и темные брюки — наряд, более подходящий европейскому исследователю, чем восточному правителю, если бы не расшитый золотом жилет и тяжелый пояс.

— Вы знаете, почему вы здесь, Изадора Валериос? — Его голос был низким, с легкой хрипотцой, которая, казалось, вибрировала в самом воздухе.

— Потому что мой отец — азартный игрок и плохой делец, а вы — человек, который не прощает долгов, — ответила она, делая шаг вперед.

Мужчина медленно обернулся.

Его силуэт казался вырезанным из самой тьмы. Густые, иссиня-чёрные волосы, немного взъерошенные, обрамляли лицо, притягивая взгляд к резким, словно высеченным из камня чертам. В них не было ни единого проблеска седины, и даже в сумерках они сохраняли глубокий, живой блеск. Но главным оружием его внешности был взгляд. Из-под густых бровей на мир смотрели абсолютно чёрные, непроницаемые глаза. В них не было ни зрачка, ни радужки — лишь два бездонных омуты, в которых легко было утонуть. Этот тяжёлый, пронзительный взор мог быть как ледяным и оценивающим, так и обжигающе-горячим, но он никогда не оставался равнодушным.

Нижнюю часть лица скрывала густая, окладистая борода того же угольного цвета. Она придавала ему вид человека сурового и уверенного в себе, скрывая линию подбородка и делая его облик ещё более монументальным.

Завершали картину широкие, мощные плечи. Они говорили о недюжинной физической силе и выносливости. Даже под свободной одеждой угадывалась могучая мускулатура, свидетельствующая о том, что этот человек способен как на кропотливый труд, так и на сокрушительный удар. Вся его фигура излучала спокойную, первобытную мощь.

— Честность, — произнес он, слегка приподняв бровь. — Редкое качество для пленницы. Обычно здесь плачут или молят о пощаде.

— Слезы не погасят долг, шейх. А пощада... — она обвела взглядом комнату, — судя по вашим книгам, вы человек логики. Логика говорит, что я теперь ваша собственность. Вопрос лишь в том, как вы намерены меня использовать.

Малик отошел от окна и начал медленно приближаться к ней. Каждый его шаг был бесшумным, как у хищника на охоте. Изадора заставила себя стоять смирно, хотя сердце коло-

тилось о ребра, как пойманная птица. Когда он остановился, она почувствовала его запах — сандал, холодный металл и что-то еще, глубоко мужское, будоражащее.

Он был выше ее на голову. Малик протянул руку, и Изадора внутренне сжалась, ожидая удара или грубости, но он лишь коснулся ее пальцев. Его ладонь была горячей. Он перевернул ее руку ладонью вверх, рассматривая темные пятна чернил на ее коже.

— Каллиграфия, — прошептал он. — Вы переписывали стихи Аль-Мутанабби для своего отца.

— Я переписывала бухгалтерские книги, чтобы он не отправился в долговую яму раньше времени, — поправила она, чувствуя, как от его прикосновения по предплечью бегут мурашки. — Стихи были лишь способом не сойти с ума от цифр.

Малик поднял взгляд. В его глазах вспыхнул интерес, холодный и расчетливый, но в глубине него тлело что-то еще — опасное электричество, которое заставило воздух между ними сгуститься.

— Мне не нужна еще одна женщина в гареме, которая будет тратить мое золото на шелка и сплетничать о евнухах, — сказал он, не отпуская ее руки. Его большой палец медленно, почти случайно, провел по ее запястью, там, где бился пульс. — Мое королевство окружено гиенами. Британцы хотят мои порты, старейшины хотят мою голову, а мои собственные советники торгуют секретами за моей спиной.

— И вы думаете, что дочь торговца — это то, что спасет вас? — Изадора попыталась выдернуть руку, но он сжал ее крепче. Не больно, но властно.

— Я думаю, что женщина, которая умеет подделывать почерк британского консула и читать между строк в торговых договорах, гораздо полезнее, чем десяток наемников, — он придвинулся ближе, так что она видела каждую крошечную морщинку в уголках его глаз. — Ваш отец сказал, что вы знаете языки. Вы понимаете, что говорят англичане, когда думают, что их никто не слышит?

— Я понимаю их акценты, их недомолвки и их высокомерие, — ответила Изадора, глядя ему прямо в губы. Они были четко очерченными, жесткими, но сейчас чуть приоткрытыми.

— Хорошо, — выдохнул он. — Потому что с сегодняшнего дня вы — мой личный переводчик. И мой самый охраняемый секрет.

Малик отпустил ее руку так внезапно, что она едва не пошатнулась. Он вернулся к столу, словно их близость была лишь мимолетным эпизодом, не заслуживающим внимания. Но Изадора видела, как напряглись его плечи.

— Зайд отведет вас в ваши покои, — бросил он, не оборачиваясь. — Там вы найдете одежду, подобающую вашему новому статусу. Вечером будет ужин с представителем Ост-Индской компании. Вы будете стоять за ширмой и слушать. Каждое слово. Каждый вздох.

— А если я откажусь? — спросила она у его спины.

Малик остановился. Он медленно повернул голову Валериос, в его взгляде на мгновение промелькнула тьма, стало трудно дышать.

— У вас нет «если», Изадора. Ваш отец получил расписку о прощении долга. Теперь вы принадлежите Каср-аш-Шамс. Вы принадлежите мне. И поверьте, я гораздо милосерднее, чем те люди, которым ваш отец проиграл бы вас завтра, если бы я не выкупил этот вексель.

Дверь распахнулась. Зайд стоял на пороге, его лицо было непроницаемым.

— Идем, — коротко бросил он.

Зайд, правая рука и бессменный помощник шейха Малика, был человеком, чье присутствие ощущалось задолго до того, как он попадал в поле зрения. Он не обладал внушительным ростом или горой мышц; его сила заключалась в обманчивой худобе и кошачьей, вкрадчивой пластике.

Его лицо, словно высеченное из темного камня, было лишено ярких эмоций. Высокие скулы и тяжелый, волевой подбородок говорили о несгибаемом характере. Но главным в его облике были глаза. Глубоко посаженные, они смотрели на мир с холодным, пронизывающим спокойствием. В этом взгляде не было ни злобы, ни гнева — лишь абсолютная, пугающая пустота и готовность действовать.

Волосы он стриг коротко, почти наголо, что лишь подчеркивало резкие черты его лица и старый шрам, тянувшийся от левого виска к скуле — молчаливое напоминание о бурном прошлом. В любой толпе он оставался невидимкой — тенью своего господина, чье слово было законом.

Изадора вышла, чувствуя, как на нее давит тяжесть этих скал. Ее вели по лабиринтам переходов, пока они не достигли части крепости, которая явно была женской. Здесь воздух был тяжелым от ароматов масел, а из-за резных решеток — машрабий — слышался шепот и приглушенный смех.

Ее комната была роскошной и в то же время пугающей. Огромная кровать под балдахин, низкие диваны, расшитые золотом, и ванна, высеченная прямо в полу, в которую по медным трубам стекала вода. На столике лежало платье из тончайшего индигового шелка и набор каллиграфа: тростниковые перья, дорогая бумага и флакон чернил, пахнувших дубовыми орешками.

— Шейх приказал передать, что если вы попытаетесь сбежать, накажут не вас, — Зайд остановился в дверях. — Накажут вашего отца. Его еще не выпустили из долины.

Изадора подошла к окну. Оно было затянуто тонкой медной сеткой. Далеко внизу караван ее отца медленно удалялся, превращаясь в цепочку муравьев на раскаленном песке.

— Он не вернется за мной, — тихо сказала она, скорее себе, чем воину.

— Никто не возвращается из Каср-аш-Шамс, если шейх того не пожелает, — ответил Зайд и закрыл дверь на замок.

Изадора осталась одна. Она подошла к столу, взяла тростниковое перо и прижала его к ладони. Острое острие кольнуло кожу. Она не была жертвой. Она была инструментом. Но инструменты имеют свойство ломаться в неумелых руках или ранить тех, кто пытается ими воспользоваться. Девушка села на пол, прислонившись спиной к холодному камню, ожидая вечера.

Вечер наступил внезапно, окрасив стены цитадели в цвет запекшейся крови. В комнату вошли служанки — тихие, как тени, с опущенными глазами. Они не разговаривали с ней, лишь жестами приказывали раздеться. Изадора подчинилась, чувствуя странную отстраненность. Когда ее кожа коснулась прохладной воды в ванне, она на мгновение закрыла глаза, представляя, что она снова в Смирне, а это просто долгий, жаркий сон. Но руки служанок, втирающие в ее плечи масло с ароматом жасмина, были слишком реальными. Шелковое платье скользнуло по ее телу, облекая бедра и грудь так плотно, что казалось второй кожей. Это была не одежда, а вызов.

— Шейх ждет, — прошептала одна из девушек, ее первая фраза за весь час.

Изадору провели в небольшую, скрытую нишу за главным обеденным залом. Ниша была отделена от общего пространства тяжелой, резной деревянной перегородкой. Через мелкие

отверстия резьбы было видно все, что происходило в зале, оставаясь при этом абсолютно невидимой.

В зале было двое. Малик сидел в низком кресле, его поза была расслабленной, но рука, лежащая на подлокотнике, была сжата в кулак. Напротив него, в европейском мундире, который казался здесь верхом нелепости, сидел тучный мужчина с бакенбардами — мистер Галлахер, представитель короны.

Его бакенбарды — это не просто растительность, а строгий символ власти, плавно переходящий в ухоженные усы. Высокий и подтянутый, он затянут в безупречный мундир с золотыми эполетами. Холодный, пронизывающий взгляд из-под густых бровей не знает сомнений. Аккуратно зачесанные темные волосы и идеально прямая осанка завершают образ человека, чья воля непоколебима.

— Поймите, шейх, — Галлахер вытирал шею платком, — британское правительство лишь хочет гарантировать безопасность торговых путей. Наше присутствие в Маскате и здесь, в предгорьях, — это вопрос стабильности региона.

— Стабильности или контроля? — голос Малика был тихим, но в нем слышался металл. — Вы предлагаете мне «защиту» в обмен на право прокладывать телеграфные линии через мои земли и размещать гарнизоны там, где веками стояли только мои люди.

Изадора прильнула к решетке. Она видела, как Галлахер отвел взгляд. Он лгал.

— Это временные меры, — настаивал англичанин. — Кроме того, мы знаем о ваших... трениях с Советом Старейшин. Нафиса аль-Сайид не скрывает своего недовольства вашими реформами. Мы могли бы стать вашим рычагом давления.

Малик медленно поднял бокал с темной жидкостью — судя по запаху, это был крепкий кофе, а не вино.

— Моя тетя Нафиса — женщина традиций. Но она — моя кровь. А вы — чужаки.

Галлахер наклонился вперед, понизив голос:

— Кровь часто проливается первой, Малик. Мы знаем, что в следующее полнолуние Совет будет обсуждать вашу легитимность. Без нашей поддержки вы можете не дожить до рассвета.

Изадора затаила дыхание. Она заметила, как Малик чуть заметно вздрогнул. Не от страха — от ярости. Его взгляд на мгновение метнулся к ширме, за которой она стояла. Он знал, что она слышит. Он проверял ее.

— И что же вы хотите за эту «поддержку» прямо сейчас? — спросил Малик.

— Подпишите этот меморандум, — Галлахер достал из папки бумагу. — Это всего лишь протокол о намерениях. Формальность.

Изадора смотрела на документ через решетку. Почерк был мелким, английским, с множеством юридических терминов. Она прищурилась, пытаясь разобрать слова.

*«...исключительные права на недра... экстерриториальность гарнизонов...» *

Это не был протокол о намерениях. Это был смертный приговор независимости.

— Шейх, — внезапно подала голос Изадора, не подумав о последствиях. Ее голос, приглушенный деревом, прозвучал как шепот призрака.

Галлахер вздрогнул и оглянулся.

— Что это? Кто здесь?

Малик даже не шелохнулся. Его губы тронула едва заметная, хищная улыбка.

— Это эхо моих предков, мистер Галлахер. Они часто выражают недовольство, когда гость слишком настойчив.

— Я... я не понимаю вашего юмора, — пробормотал англичанин, явно нервничая.

— Оставьте бумаги, — приказал Малик. — Мой... секретарь изучит их ночью. Я дам ответ завтра.

Когда Галлахер, пятась и кланяясь, вышел в сопровождении стражи, Малик встал и подошел к ширме. Он одним резким движением отодвинул секцию перегородки. Изадора стояла

перед ним, освещенная лишь светом масляных ламп. Синий шелк переливался, подчеркивая изгиб ее талии и белизну кожи.

— Ты нарушила тишину, — сказал он. Его голос был опасным, но взгляд горел.

— Он лгал вам в каждом слове, — быстро заговорила она, игнорируя протокол. — В меморандуме есть пункт о «недрах». Они нашли что-то в ваших горах. Не золото и не специи. Что-то, что важнее телеграфа.

Малик сократил расстояние между ними. Он схватил ее за плечи, и Изадора почувствовала жар его тела сквозь тонкую ткань платья.

— Откуда ты знаешь английские юридические термины? — прорычал он.

— Я читала переписку лорда Палмерстона, когда отец пытался получить концессию на перевозку почты, — выдохнула она, не отводя глаз. — Шейх, если вы подпишете это, вы станете не правителем, а управляющим британской колонии.

Малик молчал. Он смотрел на нее, и его хватка на ее плечах сменилась чем-то другим. Его пальцы начали медленно поглаживать шелк на ее руках. Напряжение в комнате стало почти невыносимым. Это была не просто политика. Это была химия двух людей, запертых в одной клетке, пусть один из них и считал себя хозяином.

— Ты очень умна, Изадора Валериос, — прошептал он, склоняясь к ее лицу так низко, что она чувствовала его дыхание на своих губах. — И очень опасна.

— Вы сами хотели редкость, — напомнила она. Ее сердце билось так сильно, что, казалось, Малик должен чувствовать его через свои ладони.

Он не поцеловал ее. Вместо этого шейх провел ладонью по ее волосам, откидывая кудри назад, открывая ее шею. Его прикосновение было собственническим, клеймящим.

— Завтра ты напишешь ответ Галлахеру. На таком английском, который заставит его покраснеть от стыда за свою некомпетентность. А сейчас... — он сделал паузу, его глаза потемнели, — сейчас иди. Мне нужно подумать, как удержать тебя так, чтобы ты не вонзила мне нож в спину, пока я сплю.

— Ножи — это слишком просто, — ответила Изадора, отступая на шаг. — Я предпочитаю слова. Они убивают медленнее.

Она развернулась и вышла из зала, чувствуя на своей спине его жгучий взгляд.

Вернувшись в свою комнату, Валериос обнаружила, что дверь больше не заперта снаружи. На пороге стояла женщина.

Тетя шейха Малика, Нафиса аль-Сайид, — женщина, чья внешность хранит печать благородной древности. Её осанка неизменно царственна, а худощавую, почти хрупкую фигуру скрывают лишь струящиеся ткани дорогих абай. На бледном, почти фарфоровом лице с высокими скулами выделяются пронзительные тёмные глаза, взгляд которых кажется немигающим и тяжёлым. Всё в её облике — от идеально уложенных волос до редких, но властных жестов — говорит о непреклонном характере и привычке повелевать.

Нафиса аль-Сайид была одета в черное, ее руки были унижены тяжелыми перстнями, которые тускло блестели в лунном свете. Ее лицо было неподвижным, как маска, но глаза — холодные, расчетливые — изучали Изадору с неприкрытой ненавистью.

— Красивая обертка для яда, — произнесла Нафиса. Ее голос был сухим, как шелест змеи в траве. — Мой племянник думает, что купил помощницу. Но я вижу, что он пригрел на груди кобру.

— Я не выбирала эту грудь, госпожа, — ответила Изадора, выпрямляя спину.

— Выбор — это роскошь, которой у тебя нет, — Нафиса шагнула вперед, и запах тяжелых благовоний окутал Изадору. — Помни, девочка: в этом дворце стены имеют уши, а песок в пустыне пьет кровь так же легко, как воду. Не надейся на его милость. Малик аз-Заман ломает все, что любит. Матриарх развернулась и ушла, оставив после себя лишь холод и предчувствие бури.

Изадора подошла к окну и посмотрела на звезды. Они казались здесь ближе, чем в Смирне, — огромные, холодные бриллианты на черном бархате. Она знала, что Малик увлекается астрономией. Возможно, он сейчас тоже смотрит на них, пытаясь найти ответы в пустоте.

Валериос взяла перо и окунула его в чернила. На чистом листе бумаги она написала одну фразу на латыни: *«Libertas est potestas faciendi id quod jure liceat»* — Свобода есть возможность делать то, что позволено правом. Затем она перечеркнула слово «правом» и написала сверху: «силой».

Этой ночью она не спала. Она слушала, как ветер воет в расщелинах скал, и знала, что настоящая война за ее жизнь только начинается. И в этой войне ее разум будет ее единственным клинком, а тело — единственным щитом, который она не была уверена, что сможет удержать.

Глава 2

Рассвет в Каср-аш-Шамс не приносил прохлады. Он просто менял цвет пыли с серого на ослепительно-белый, выжигая остатки ночной влаги из камней. Изадора проснулась от того, что свет, пробивающийся сквозь медную сетку окна, прочертил на ее лице горячую полосу. Она лежала неподвижно, прислушиваясь к звукам цитадели. Где-то глубоко внизу, в недрах скалы, гулко ухнул упавший предмет. Раздался резкий выкрик на арабском, захлебнувшийся в сухом кашле ветра. Жизнь здесь начиналась задолго до того, как солнце переваливало через край каньона.

Изадора села, сбрасывая тонкую простыню из египетского хлопка. Ее тело ныло после вчерашней поездки, но ум был непривычно ясным. Она подошла к низкому столику, где со вчерашнего вечера лежали принадлежности для письма. Тростниковое перо — калам — выглядело как оружие. Рядом стоял флакон с чернилами, густыми и темными, как кровь в сумерках.

Дверь скрипнула. Валериос не обернулась, узнав мягкий, почти невесомый шаг.

— Завтрак, госпожа, — прошелестел голос.

Она вошла, неся на подносе медный кофейник, горсть фиников и лепешки, от которых еще шел пар. Девушка была похожа на испуганную лань: огромные глаза, тонкие запястья, вечно опущенная голова.

— Я не госпожа, Лейла, — Изадора, наконец, обернулась, рассматривая ее. — Я такая же заложница, как и все здесь.

Лейла вздрогнула, едва не расплескав кофе. Она быстро поставила поднос на пол и отступила к дверям, сложив руки на животе.

— Шейх Малик приказал называть вас так. В гареме даже у стен есть уши, а у ушей — длинные языки. Если вы будете называть себя пленницей, они разорвут вас на части.

— Кто «они»? — Изадора сделала шаг вперед, сокращая расстояние.

Лейла бросила быстрый взгляд на дверь.

— Те, кто считает, что их место рядом с шейхом принадлежит им по праву крови или лет. Нафиса аль-Сайид не любит, когда в крепости появляются новые голоса. Особенно те, что звучат так... дерзко.

Валериос взяла финик, но есть не хотелось. Горло сжимало от сухого воздуха и осознания того, что каждое ее движение теперь взвешивается на невидимых весах.

— Скажи мне, Лейла, — Изадора понизила голос, — почему ты здесь? Ты не похожа на дочь торговца.

Девушка на мгновение подняла взгляд. В глубине ее зрачков мелькнула такая острая, невыносимая боль, что Изадоре захотелось отвести глаза.

— Мою деревню сожгли налетчики с севера. Малик... он отбил нас. Мой муж погиб, защищая колодец. У меня остался сын. Здесь он сыт и в безопасности. Это цена, которую я плачу за его жизнь.

— Покорность? — горько усмехнулась Валериос.

— Выживание, — отрезала Лейла, и в ее голосе на секунду проступила сталь, скрытая под фарфоровой кожей. — Не судите нас, госпожа. Вы еще не видели пустыню в сезон, когда колодцы пересыхают. — Она поклонилась и выскользнула из комнаты, прежде чем Изадора успела спросить о сыне.

Оставшись одна, Изадора подошла к столу. Она взяла лист бумаги и начала писать. Не стихи и не бухгалтерские счета. Валериос переводила меморандум Галлахера, слово за словом, вытаскивая на свет скрытые ловушки.

«...в исключительное пользование Компании...» — она подчеркнула это слово. Это означало, что Малик больше не сможет даже пасти скот на тех землях, где англичане решат поставить свои вышки.

«...содействие в поддержании порядка...» — карательные отряды, подчиняющиеся Лондону, а не Маскату.

Она работала увлеченно, не замечая, как чернильное пятно снова расплывается на ее указательном пальце. Она чувствовала азарт охотника, отслеживающего зверя.

— Вы слишком сильно давите на перо, — раздался голос от двери.

Изадора вздрогнула и резко обернулась. В дверном проеме стоял Малик. Сегодня на нем снова была просторная белая рубаша, расстегнутая у ворота, открывающая сильную шею и край шрама, уходящего под ключицу. Его волосы были влажными, видимо, он только что совершил омовение.

— Я не слышала, как вы вошли, — она инстинктивно прикрыла бумагу ладонью.

— В этом доме я хожу там, где хочу, и тогда, когда хочу, — он медленно прошел в комнату. - Воздух вокруг него казался наэлектризованным. Он пах сандалом, свежестью и тем самым необъяснимым мужским ароматом, который заставлял сердце Изадоры совершать лишний удар. Он остановился у стола, глядя сверху вниз на ее работу. — Вы закончили?

— Почти. Ваш мистер Галлахер — мастер камуфляжа. Если вы подпишете это, вы отдадите ему не только землю, но и право судить ваших людей.

Малик взял лист, не дожидаясь разрешения. Его пальцы коснулись ее руки, и Изадора почувствовала, как по позвоночнику пробежал электрический разряд. Он не отстранился. Напротив, он задержал взгляд на ее пальцах, испачканных чернилом.

— У вас руки ученого, — негромко произнес он. — Но глаза — воина. Странное сочетание.

— В моем мире женщине нужно быть и тем, и другим, чтобы ее не раздавили, — ответила Валериос, глядя ему прямо в лицо.

Малик пробежал глазами по ее примечаниям на полях. Его брови сдвинулись к переносице, на скулах заиграли желваки.

— «Экстерриториальность». Галлахер клялся, что это касается только жилых помещений инженеров.

— Он лгал. Здесь написано: «любые территории, используемые для обеспечения деятельности». Это может быть вся долина.

Малик скомкал бумагу в кулаке. На мгновение в его глазах вспыхнула такая ярость, Изадора подумала: сейчас он ударит стену. Но он лишь закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— Пойдемте со мной, — приказал он.

— Куда?

— Мне нужно, чтобы вы увидели то, что они хотят у меня отнять. И мне нужно, чтобы вас увидел Хаким. Вы бледны, как привидение из северных сказок. - Он развернулся и вышел, не сомневаясь, что она последует за ним. Изадора помедлила секунду, поправила пояс своего синего платья, после чего вышла в коридор.

Они шли долго, спускаясь все ниже по винтовым лестницам, вырубленным в камне. Здесь не было украшений, только факелы в железных кольцах. Наконец, они вышли в просторный зал, который напоминал пещеру, но с одной стороны он был полностью открыт небу. Это была терраса, нависшая над пропастью. В центре террасы стояли странные приборы: медные трубы на треногах, огромные диски с нанесенными на них созвездиями и столы, заставленные свитками. В углу, среди пучков сушеных трав, сидел старик.

Хаким Ясин выглядел так, словно сам был частью этой скалы. Его кожа была иссечена морщинами, как русло пересохшего ручья, а борода белела на фоне темной одежды. От него пахло мятой и старым пергаментом.

— Хаким, — произнес Малик с неожиданной теплотой в голосе. — Я привел тебе нашу... гостью.

Старик медленно поднял голову. Его глаза, подернутые дымкой катаракты, казалось, видели Изадору насквозь.

— Дочь Эдгара, — прокрипел он. — Я помню твоего отца. Он продавал мне поддельный шафран двадцать лет назад.

— Он всегда был плох в обмане тех, кто мудрее его, — парировала Изадора.

Хаким хрипло рассмеялся.

— А ты остра на язык. Подойди ближе, дитя.

Валериос покорно подошла. Старик взял ее за руку, прощупывая пульс. Его пальцы были сухими и горячими, как песок в полдень.

— Сердце бьется слишком быстро. Гнев. Страх. И что-то еще... — он бросил хитрый взгляд на Малика. — Она умна, мой шейх. Но ум без мира в душе — это факел на ветру. Он либо погаснет, либо сожжет дом.

— Она нашла ловушку в английском договоре, — сказал Малик, подходя к краю террасы. Он смотрел вниз, на долину, где тонкая нить реки блестела под палящим солнцем. — Галлахер хочет долину Вади-эль-Шамс.

Хаким отпустил руку Изадоры и вздохнул.

— Они всегда хотят долину. Там, где вода встречается с камнем, рождается сила. Но англичане ищут не силу духа. Они ищут то, что горит в их лампах и движет их кораблями. Черное золото земли.

— Нефть? — переспросила Изадора. Она слышала об этом в Смирне. Маслянистая жидкость, которую находили в Персии.

— Они называют это так, — кивнул Хаким. — Для них это богатство. Для нас — проклятие, которое привлечет сюда всех стервятников мира.

Малик обернулся. Его лицо было жестким, освещенным ярким светом.

— Изадора, вы понимаете, почему вы здесь? Не только из-за долгов отца. Мне нужен кто-то, кто не принадлежит к этому дворцу. Кто не связан клятвами верности роду Нафисы и не куплен британским золотом.

— Вы хотите, чтобы я была вашим шпионом? — она скрестила руки на груди.

— Я хочу, чтобы вы были моим разумом там, где мои чувства поддаются ярости, — он сделал шаг к ней, входя в ее личное пространство. — Вы — чужак. Вас будут ненавидеть. Но именно поэтому я могу вам доверять. У вас нет никого, кроме меня.

Изадора почувствовала, как внутри нее что-то протестует против этой логики.

— У меня есть я сама, шейх. И я не собираюсь становиться еще одной деталью в вашем механизме власти.

— Вы уже в нем, — мягко сказал Хаким. — С того момента, как переступили порог крепости.

В этот момент на террасу ворвался Зайд. Его лицо было серым от пыли, а рука лежала на рукояти сабли.

— Мой шейх! Совет Старейшин. Они собрались в маджлисе. Ваша тетя Нафиса требует немедленного собрания.

Малик помрачнел. Его взгляд на мгновение задержался на Валериос — долгий, изучающий, почти болезненный.

— Идите к себе, Изадора. Зайд, проводи ее. И запри дверь.

— Опять замок? — вспыхнула она.

— Это не для того, чтобы не выпустить вас, — бросил Малик, уже направляясь к выходу. — А для того, чтобы никто не вошел.

Вечер опустился на крепость внезапно, словно на город набросили тяжелый синий плащ. Изадора металась по комнате. Слова Хакима о «черном золоте» и гнев Малика не давали ей покоя. Она чувствовала, что мир вокруг нее начинает рушиться. Валериос подошла к окну. Внизу, во внутреннем дворе, горели факелы. Она видела силуэты мужчин в белых одеждах — старейшины. Они выглядели как призраки, собравшиеся на пир.

Внезапно дверь ее комнаты открылась. Изадора обернулась, ожидая увидеть Зайда с ужином, но на пороге стояла Нафиса. В полумраке ее лицо казалось высеченным из слоновой кости. Тяжелые золотые украшения на ее шее тихо позвякивали при каждом движении. За ее спиной стояли две служанки, их лица были закрыты плотными платками.

— Ты все еще здесь, — произнесла Нафиса. Это был не вопрос, а констатация неприятного факта.

— Шейх приказал мне остаться, — ответила Изадора, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Нафиса прошла в центр комнаты, брезгливо оглядывая скромный быт Изадоры. Она остановилась у стола и кончиками пальцев коснулась скомканного черновика договора.

— Малик всегда был слаб до диковинок. Он собирает звезды, древние книги... и женщин с острыми умами. Но диковинки быстро надоедают, девочка. Или ломаются.

— Я не вещь, чтобы ломаться, — Изадора вздернула подбородок.

Нафиса медленно повернулась к ней. В ее глазах не было гнева — только холодная, бесконечная пустота человека, который давно перешагнул через мораль ради власти.

— Ты — опасность. Ты шепчешь ему на ухо слова, которые меняют его решения. Ты мешаешь великим делам своим мелким существованием.

Она сделала жест рукой, и служанки шагнули вперед. В руках одной из них Изадора заметила шелковый шнурок. Холод пробежал по коже Изадоры. Она отступила к окну, чувствуя спиной медную сетку.

— Шейх убьет вас, если со мной что-то случится, — выдохнула Валериос.

— Малик занят. Он борется за свое право называться мужчиной перед Советом. А несчастные случаи с пленницами... пустыня быстро забывает их имена.

Служанки придвинулись ближе. Изадора схватила со стола тяжелый медный чернильный прибор. Это было единственное оружие, которое у нее было. Она была готова дорого продать свою жизнь.

— Назад! — крикнула она.

В этот момент снаружи раздались быстрые шаги и звук удара металла о металл. Дверь распахнулась так сильно, что ударилась о стену. На пороге стоял Малик. Он тяжело дышал, его рубаха была разорвана на плече, а в руке он сжимал обнаженный кинжал — джамбию. Его глаза горели первобытным огнем.

— Уйди, Нафиса, — голос его был тихим, но от этого еще более пугающим.

Матриарх медленно повернулась к племяннику. Ее лицо не дрогнуло.

— Ты бросаешь Совет ради этой... левантийской девки?

— Совет может подождать, пока я не наведу порядок в собственном доме, — Малик шагнул в комнату, заставляя служанок отпрянуть. — Если ты еще раз приблизишься к этой двери без моего разрешения, я забуду, чья кровь течет в твоих жилах.

Нафиса молчала несколько секунд, изучая его. Затем она тонко, почти незаметно улыбнулась.

— Ты уже проиграл, Малик. Ты защищаешь пешку, когда твоя корона уже под угрозой. Наслаждайся своей игрушкой, пока можешь.

Она величественно вышла, увлекая за собой служанок. Малик проводил их взглядом, пока их шаги не затихли в коридоре. Только тогда он опустил кинжал и обернулся к Изадоре.

Валериос все еще стояла у окна, сжимая в руках чернильницу. Ее грудь часто вздымалась, кудри растрепались, а в глазах застыл ужас, смешанный с яростью. Малик подошел к ней. Он осторожно взял ее за запястья и разжал ее пальцы, забирая медный сосуд.

— Вы в безопасности, — сказал он.

— Безопасности? — она вырвала руки. — Она хотела меня убить! Вы привели меня в этот змеюшник, выкупили у отца, как лошадь, и называете это безопасностью?

— Я пришел, — спокойно ответил шейх.

— А если бы не пришли? Если бы вы опоздали на минуту?

Малик молчал. Он смотрел на нее, и в этом взгляде Изадора увидела что-то, что заставило ее замолчать. Это была не жалость и не вожеление. Это было признание. Он видел в ней равную — такую же одинокую и окруженную врагами, как он сам. Шейх протянул руку и коснулся ее щеки. Его ладонь была грубой, со шрамами, но прикосновение оказалось удивительно нежным.

— Я не могу обещать вам легкой жизни, Изадора. Но я обещаю, что любой, кто захочет причинить вам вред, должен будет сначала перешагнуть через мой труп.

— Зачем вам это? — прошептала она, чувствуя, как ее сопротивление тает под его взглядом. — Я просто долг. Просто переводчик.

— Вы — единственное живое существо в этом каменном склепе, — его голос стал хриплым. — Вы спорите со мной. Вы смотрите мне в глаза. Вы... - Он не договорил. Шейх притянул ее к себе, и его губы накрыли ее в резком, требовательном поцелуе. В этом поцелуе был вкус страха, металла и долгого, мучительного ожидания.

Изадора на мгновение замерла, ошеломленная его напором. Но затем ее руки сами собой поднялись, запутываясь в его волосах. Она ответила на поцелуй с той же яростью, которая сжигала ее весь день. Это была борьба, попытка доказать свою независимость через подчинение, поиск опоры в самом опасном человеке, которого она когда-либо знала.

Малик застонал, его руки сжались на ее талии, прижимая ее к себе так плотно, что она чувствовала твердость его тела и биение его сердца — быстрое, неистовое. Он пах пустыней и бурей. Но шейх отстранился так, же внезапно, как и начал. Его дыхание было тяжелым, глаза потемнели до черноты.

— Завтра... завтра мы встретимся с Галлахером снова, — сказал он, пытаясь вернуть голосу властность. — Вы будете сидеть рядом со мной. Не за ширмой.

— Это вызов старейшинам, — выдохнула Изадора, поправляя сбившееся платье.

— Это война, — поправил он. — И мне нужно, чтобы мой лучший воин был на виду.

Малик развернулся и вышел, оставив Изадору одну в комнате, где воздух все еще дрожал от их близости. Она подошла к столу и посмотрела на свои руки. На пальцах остались чернильные пятна, а на запястьях — красные следы от его хватки. Валериос знала, что перешла черту. Теперь она была не просто пленницей или секретарем. Она стала частью его самого, его слабостью и его силой одновременно.

Изадора легла на кровать, глядя в потолок. Снаружи выл ветер, перекатывая песок по террасам Каср-аш-Шамс. Где-то там, в темноте, Нафиса плела свою паутину, а британские корабли уже приближались к портам. Но в эту минуту ее волновало только одно: тепло его руки на ее щеке и вкус сандала на губах. Валериос закрыла глаза, зная, что завтрашний день может стать для нее последним. Но впервые за долгое время она не боялась. Она была готова к битве.

Утро застало Изадору за изучением карт, которые Малик прислал ей через Зайда. Это были старые пергаменты, на которых границы были отмечены не только линиями, но и именами племен, колодцами и местами древних битв. Она заметила закономерность. Все территории, которые Галлахер выделил в меморандуме, сходились к одной точке — плато Джебель-аш-Шамс.

— Они ищут не просто нефть, — прошептала Валериос, водя пальцем по карте.

Раздался стук в дверь. Это был Хаким. Старик вошел медленно, опираясь на посох.

— Шейх просит тебя прийти в зал приемов. Галлахер прибыл раньше времени.

— Он нервничает, — заметила Изадора, вставая.

— Нервный зверь кусает без предупреждения, — Хаким внимательно посмотрел на нее.
— Ты готова, дитя? Сегодня ты не просто переводишь слова. Ты переводишь судьбу этого края.

— Я готова, Хаким.

— Тогда возьми это, — он протянул ей маленький флакон из темного стекла. — Если почувствуешь, что воздух в зале становится слишком тяжелым... капни это на платок. Это поможет сохранить ясность ума.

Изадора спрятала флакон в складках платья. Валериос чувствовала, как внутри нее растет холодная, расчетливая уверенность. Она больше не была жертвой обстоятельств. Она была игроком.

Зал приемов был залит светом. Малик сидел на возвышении, одетый в парадные одежды. На его плечах лежал тяжелый расшитый плащ, а на поясе блестела золотая рукоять джамбии. Галлахер сидел напротив, его лицо было красным, он беспрестанно обмахивался шляпой.

Когда Изадора вошла и села по правую руку от Малика, в зале воцарилась гробовая тишина. Старейшины, стоявшие вдоль стен, обменялись яростными взглядами. Нафиса, сидевшая в тени одной из колонн, не пошевелилась, но Изадора чувствовала ее взгляд, как острие ножа между лопатками.

— Шейх Малик, — Галлахер кашлянул, — я полагаю, присутствие этой дамы... излишне для официальных переговоров.

Малик медленно повернул голову к англичанину.

— Мисс Валериос — мой советник по юридическим вопросам Компании. Она нашла в вашем документе несколько... неточностей.

Галлахер побледнел. Он бросил быстрый взгляд на Изадору, в котором читалось презрение и скрытый страх.

— Неточностей? Это стандартный договор, одобренный правительством Ее Величества.

— Стандартный для колоний, мистер Галлахер, — голос Изадоры прозвучал чисто и уверенно. — Но мы не в колонии. Мы в суверенном государстве. И пункт 14, касающийся «отчуждения земель под нужды безопасности», противоречит договору о дружбе от 1873 года.

Она начала говорить, разбирая документ по косточкам. Валериос цитировала международное право, торговые кодексы и даже личную переписку британского консула в Маскате, которую она помнила наизусть. Галлахер пытался перебивать, но Малик одним жестом заставлял его молчать. С каждым словом Изадора видела, как меняется атмосфера в зале. Старейшины начали перешептываться. Они не понимали английского, но видели, как их шейх и эта чужестранка загоняют британского льва в угол.

— Мы требуем пересмотра всех пунктов, — закончила Изадора, глядя Галлахеру прямо в глаза. — Иначе шейх Малик будет вынужден обратиться к посредничеству Франции.

Упоминание Франции подействовало как удар хлыста. Галлахер вскочил, опрокинув стул.

— Это возмутительно! Вы пожалеете об этом!

— Мы уже жалеем, что потратили столько времени на фальшивые улыбки, — отрезал Малик. — Зайд, проводи гостя. Мы дадим ответ через неделю. С нашими правками.

Когда разъяренный англичанин покинул зал, Малик встал. Он посмотрел на старейшин.

— Вы видели? Они пришли сюда, чтобы забрать нашу землю, прикрываясь бумагами. И эта женщина сделала то, что не смогли сделать ваши мечи. Она защитила наш дом.

В зале повисла тишина. Затем один из старейшин, самый старый и уважаемый, медленно кивнул.

— Слово может быть острее клинка, — произнес он. — Пусть будет так.

Нафиса встала и, не сказав ни слова, вышла из зала. Изадора знала, что это не победа. Это лишь начало новой, более опасной главы.

Малик подошел к ней, когда зал опустел.

— Вы были великолепны, — сказал он. В его голосе звучало искреннее восхищение.

— Я просто читала то, что написано, — ответила Валериос, чувствуя, как силы покидают ее.

— Нет. Вы дали им надежду. И вы дали мне время.

Он взял ее за руку и вывел на террасу. Солнце клонилось к закату, окрашивая горы в невероятный фиолетовый цвет.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь они попытаются нас убить, — спокойно ответил Малик. — Но теперь мы будем сражаться вместе.

Шейх обнял ее за плечи, Изадора прижалась к нему, глядя на бесконечные пески пустыни. Она была пленницей, заложеной за долги. Она была пешкой в политической игре. Но в этот момент, в объятиях человека, который стал ее миром, она чувствовала себя свободнее, чем когда-либо в жизни.

Ветер донес аромат ладана и приближающейся бури. Но Изадора знала: какая бы буря, ни пришла, она встретит ее с высоко поднятой головой. Потому что теперь у нее было то, ради чего стоило жить и за что стоило бороться.

В Каср-аш-Шамс наступала ночь. Ночь, полная тайн, опасностей и запретной страсти, которая только начинала разгораться в сердце пустыни.

Глава 3

Раскаленный воздух дрожал над внутренним двором Каср-аш-Шамс, превращая очертания зубчатых стен в зыбкий мираж. Изадора стояла в тени глубокой арки, прижавшись спиной к прохладному, пахнущему сыростью камню. Ее пальцы машинально перебирали складки индигового шелка, а взгляд был прикован к центру площадки, где Малик аз-Заман сошелся в тренировочном поединке с Зайдом аль-Харби.

Это не было изящное фехтование, к которому она привыкла в портах Смирны, где офицеры лениво скрещивали рапиры. Здесь правил металл и пот. Малик был обнажен по пояс. Его кожа, цвета темной меди, блестела от испарины, подчеркивая каждый узел мышц на широких плечах и спине. Шрам, уходящий под ключицу, казался живым, пульсирующим в такт его тяжелому дыханию.

Зайд нападал яростно, его тяжелая сабля описывала свистящие дуги. Малик уклонялся с кошачьей грацией, его движения были экономными, почти ленивыми, пока в одно мгновение он не взорвался ответной атакой. Звук удара стали о сталь отозвался в зубах Изадоры мелкой дрожью. Малик сделал выпад, его тело вытянулось в одну прямую линию, и через секунду острие его клинка замерло в дюйме от горла Зайда.

— Ты медлишь на левом фланге, Зайд, — голос Малика был хриплым, прерывистым. — Пуля британца не будет ждать, пока ты развернешься.

Зайд опустил оружие и коротко кивнул, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

— Мой шейх, пуля — это трусость. Я предпочитаю видеть глаза врага, когда забираю его жизнь.

— Глаза врага — это роскошь, которую прогресс у нас отнимает, — Малик обернулся, и его взгляд мгновенно нашел Изадору в тени арки. Он не выказал удивления. Просто смотрел на нее несколько секунд, тяжело дыша, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у Валериос пересохло во рту.

Он бросил саблю Зайду и направился к ней. С каждым его шагом Изадора чувствовала, как пространство вокруг нее сжимается. От него исходил жар — не только солнечный, но и внутренний, первобытный.

— Вы долго наблюдаете, Изадора, — сказал он, остановившись так близко, что она почувствовала запах его пота, смешанный с ароматом разогретого железа. — Ищете слабые места в моей обороне?

— Ваша оборона безупречна в бою, шейх, — Валериос заставила себя не отводить глаз, хотя ее сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. — Но крепости редко берут штурмом. Чаще их предают изнутри.

Малик прищурился. Он протянул руку и взял кувшин с водой, стоявший на нише рядом с ней. Он пил жадно, запрокинув голову, и Изадора невольно проследила за движением его кадыка. Несколько капель воды скатились по его подбородку, проложили дорожки в пыли на его груди и исчезли за поясом шаровар.

— Нафиса считает, что предательница — вы, — он поставил кувшин. — Она говорит, что женщина, которая читает английские договоры так же легко, как молитвы, не может быть просто дочерью торговца.

— Я — то, чем меня сделала нужда и жадность моего отца, — парировала она. — И если ваша тетя ищет врагов, пусть заглянет в зеркало. Традиции, которые она так яростно защищает, — это кандалы, которые делают вас легкой добычей для Галлахера.

Малик вдруг усмехнулся — редкость для его обычно сурового лица.

— Вы не перестаете кусаться, даже когда вам предлагают защиту. Идемте. Я хочу вам кое-что показать. Пока солнце не выжгло остатки логики в наших головах.

Он повел ее не в зал приемов и не в библиотеку. Они поднимались все выше, по узким лестницам, куда не заходили слуги, мимо кладовых, пахнущих пыльным зерном, пока не достигли самой высокой башни цитадели. Здесь, под самым куполом, воздух был на удивление прохладным. Это была обсерватория. В центре стоял огромный телескоп из полированной латуни — чудо европейской инженерии, соседствующее с древними арабскими астролябиями. На столах были разложены звездные карты, испещренные тонкими линиями и математическими расчетами.

— Мое убежище, — Малик обвел комнату рукой. — Галлахер думает, что я дикарь в шелках. Мои старейшины думают, что я одержим джинами. А я просто пытаюсь понять порядок вещей, который не зависит от капризов империй.

Изадора подошла к одной из карт. Ее пальцы коснулись пергамента.

— Вы ищете ответы в звездах, потому что на земле их не осталось?

— Я ищу истину, которая не меняется от того, кто сидит на троне в Лондоне или Стамбуле, — Малик подошел сзади. Его присутствие ощущалось как физическое давление. — Посмотрите сюда.

Он жестом пригласил ее к телескопу. Изадора наклонилась к окуляру. Сначала она видела только тьму, но затем, когда Малик подправил настройки, перед ней вспыхнула Венера — яркий, неистовый бриллиант на фоне бархатной синевы предвечернего неба.

— Она кажется спокойной, — прошептал он ей на ухо. Его дыхание зашепотало ее шею, вызывая волну мурашек. — Но под этой красотой скрывается адская жара и бури, способные сокрушить горы.

Изадора выпрямилась, оказавшись в кольце его рук. Он не прикасался к ней, но расстояние между ними было настолько ничтожным, что она чувствовала жар его кожи сквозь ткань своего платья.

— Вы говорите о планете или о женщине, которую привезли в ваш замок в клетке? — ее голос прозвучал тише, чем она планировала.

— Я говорю о силе, которую невозможно подчинить, не уничтожив ее, — Малик сократил последние дюймы. Его рука легла на ее талию, и это прикосновение было подобно ожогу. — Я не хочу вас уничтожать, Изадора. Но я не знаю, как держать вас рядом и не сгореть самому.

Он притянул ее ближе, и на этот раз в его движении не было осторожности. Его губы нашли ее шею, медленно, с мучительной нежностью исследуя линию пульса. Изадора откинула голову назад, ее пальцы судорожно вцепились в его плечи. Кожа под ее ладонями была твердой и горячей.

— Вы... вы должны остановиться, — выдохнула Валериос, хотя всё ее тело кричало об обратном.

— Должен, — согласился он, его голос вибрировал в ее груди. — Но я устал делать то, что должен. В этом мире, где всё продается и покупается, ты — единственное, что кажется настоящим.

Малик развернул ее к себе. Его глаза были темными, бездонными, в них отражался свет латунных приборов и далеких звезд. Шейх подхватил ее под бедра и усадил на массивный дубовый стол, заваленный картами. Изадора охнула, холод дерева контрастировал с жаром его рук. Он раздвинул ее колени, становясь между ними, и накрыл ее рот своим в поцелуе, который не просил, а требовал. Это было не похоже на тот первый, короткий поцелуй в зале. Теперь это

была жажда, копившаяся днями. Изадора ответила с неожиданной для самой себя страстью, ее язык сплелся с его, вкус сандала и кофе кружил голову. Она чувствовала его эрекцию, твердую и нетерпеливую, прижатую к ее бедру через тонкий шелк.

Его руки скользнули по ее ногам вверх, задирая подол платья. Грубые, мозолистые ладони коснулись нежной кожи внутренней стороны ее бедер, заставляя вздрогнуть.

— Ты пахнешь жасмином и чернилами, — пробормотал он в ее губы, его пальцы подобрались к самому краю белья. — Самое опасное сочетание в моей жизни.

Изадора потянула за завязки его шаровар, ее пальцы дрожали, но были решительны. Валериос хотела его — не как господина, а как мужчину, который смотрел на нее так, словно она была единственной ценностью в его разоренном королевстве. Когда ткань упала, обнажая его, она на мгновение замерла, пораженная его мощью. Но шейх не дал ей времени на раздумья. Малик одним движением стянул с нее шелк, обнажая тело свету заходящего солнца, льющемуся из купола. Его взгляд скользнул по ее груди, полной и высокой, по изгибу талии.

— Ты прекрасна, — выдохнул он, и в его голосе было столько искреннего благоговения, у Изадоры защемило в глазах.

Малик накрыл ее грудь ладонью, большой палец начал дразнить сосок, доводя его до состояния твердой жемчужины. Валериос выгнулась, ее стон растворился в тишине обсерватории. Она чувствовала, как внутри нее нарастает напряжение, густое и тягучее, как мед. Малик опустился на колени перед ней. Его лицо оказалось на уровне ее бедер. Когда его язык коснулся ее, Изадора сделала глубокий вдох, ее пальцы зарылись в его густые темные волосы, прижимая к себе. Он был искусен, его ласки были точными и нещадными. Каждое движение его языка высекало искры под ее кожей, пока мир вокруг не превратился в одно сплошное ощущение тепла и влаги.

Валериос была на грани, ее тело дрожало в предвкушении взрыва, когда он поднялся и, подхватив ее за талию, одним мощным толчком вошел в нее. Изадора вскрикнула, запрокинув голову. Боль была мимолетной, мгновенно сменившись ощущением полноты и невероятного жара. Малик замер на секунду, давая ей привыкнуть, его лицо было искажено гримасой сладкой муки.

— Изадора... — прохрипел он.

— Еще... — она обхватила его ногами за пояс, притягивая еще ближе, стремясь стереть любую преграду между ними.

Он начал двигаться — сначала медленно, глубоко, с каждым разом ускоряя темп. Ритм их тел напоминал удары кузнечного молота: четкий, неумолимый, созидаящий что-то новое из пепла их прежних жизней. Карты созвездий летели на пол, астролябия звякнула, сдвинутая их телами, но они не замечали ничего.

Для Изадоры весь мир сузился до этого мужчины, до шрамов на его спине под ее ногтями, до запаха его кожи и звука его прерывистого дыхания. Она чувствовала, как волна оргазма поднимается откуда-то из самой глубины, неистовая и неуправляемая. Она накрыла ее с головой, вырывая из легких крик, который эхом разнесся под куполом башни.

Малик последовал за ней через мгновение, его тело напряглось, он вжался в нее последним, отчаянным толчком, изливаясь внутри нее, словно отдавая ей всю свою силу и всю свою уязвимость.

Они долго оставались так, тяжело дыша, прижавшись, друг к другу в наступивших сумерках. Первые звезды начали проступать в проеме купола, но здесь, внизу, время словно остановилось.

Малик осторожно отстранился, поправил ее одежду и помог ей спуститься со стола. Его движения теперь были тихими, почти благоговейными. Он взял ее лицо в свои ладони и поцеловал в лоб.

— Теперь ты понимаешь? — тихо спросил он. — Ты больше не залог за долг. Ты — то, что удерживает меня от того, чтобы просто не сжечь всё это дотла и уйти в пустыню.

Изадора прижалась щекой к его ладони.

— Это делает меня еще более опасной мишенью, Малик.

— Пусть пробуют, — в его голосе снова прорезался металл. — Теперь они будут иметь дело не только с правителем, но и с мужчиной, которому есть что терять.

Ночь в Каср-аш-Шамс никогда не бывала по-настоящему тихой. Ветер пел в щелях скал, стражники перекликались на стенах, а в глубине коридоров всегда слышался шорох — то ли песка, то ли чьих-то осторожных шагов.

Изадора вернулась в свои покои, когда луна уже стояла высоко. Ее тело приятно ныло, а на губах всё еще чувствовался вкус Малика. Она подошла к ванне, собираясь смыть с себя следы их страсти, но замерла на пороге. На ее кровати лежал предмет, которого там не было днем. Небольшой сверток из черного шелка, перевязанный золотой нитью.

Сердце Изадоры пропустило удар. Она осторожно подошла и развязала узел. Внутри лежал старинный перстень с крупным рубином — глубоким, цвета запекшейся крови. И записка, написанная изящным, каллиграфическим почерком на арабском.

*«Красота — это ловушка для дураков. Мудрость — это знать, когда уйти. Твой отец жив, Изадора. Пока жив. Если хочешь, чтобы он увидел следующий рассвет, жди посланника у южных ворот в час, когда луна коснется пика Солнечной башни. Принеси то, что Малик хранит в сейфе за картой звездного неба. Один лист бумаги в обмен на жизнь старика». *

Валериос почувствовала, как холодный пот выступает у нее на лбу. Нафиса. Это могла быть только она. Матриарх знала о чувствах Малика и решила ударить в самое больное место — в ее верность и ее прошлое.

Она посмотрела на рубин. Он блестел в лунном свете, как злой глаз.

— О боги... — прошептала она.

В сейфе Малика лежал не просто «лист бумаги». Там лежали координаты месторождений «черного золота», которые Хаким и Малик тайно наносили на карты месяцами. Те самые данные, за которые Галлахер был готов уничтожить всё королевство. Перед Изадорой стоял выбор, от которого зависела судьба не только ее отца, но и всего народа, который Малик пытался защитить.

Она подошла к окну. Луна медленно приближалась к пику башни. Времени почти не осталось. Внезапно дверь ее комнаты тихо приоткрылась. Изадора инстинктивно спрятала перстень и записку в складках платья. В комнату скользнула Лейла. Ее лицо было бледным, а глаза испуганно метались по сторонам.

— Госпожа... вы должны уходить, — прошептала она, подходя ближе. — Прямо сейчас.

— Лейла? О чем ты?

— Нафиса... она созвала совет старейшин в тайной комнате под мечетью. Они решили, что Малик околдован вами. Они собираются... — Лейла запнулась, ее голос дрогнул. — Они

собираются объявить его безумным и передать власть его племяннику Касиму. А вас... вас выдадут британцам как шпионку.

— Когда?

— На рассвете. Зайд пытается собрать верных людей, но многие боятся проклятия Нафисы.

Изадора схватила Лейлу за плечи.

— А мой отец? Он, правда, у нее?

Лейла опустила голову.

— Его держат в подвалах старой башни. Он слаб, госпожа. Нафиса не кормила его три дня.

Ярость, чистая и холодная, вспыхнула в груди Изадоры, вытесняя страх. Она поняла, что записка на кровати была лишь частью плана, чтобы заставить ее совершить предательство и тем самым окончательно дискредитировать Малика в глазах его людей. Если она украдет карту, Малик потеряет всё — и честь, и власть.

— Где сейчас Малик? — спросила она.

— Он в обсерватории. Молится или смотрит на звезды... он не знает о совете.

— Хорошо, — Изадора решительно направилась к выходу. — Лейла, мне нужно, чтобы ты нашла Зайда. Скажи ему, чтобы он не ждал рассвета. Пусть берет своих людей и идет к южным воротам. Но не для того, чтобы сдаваться.

— А вы? — глаза Лейлы расширились.

— А я пойду к Нафисе, — Валериос коснулась рубина в кармане. — Она хотела сыграть в игру? Что ж, я научилась правилам у лучших мастеров Смирны.

Изадора вышла в темный коридор. Она знала, что идет в ловушку. Но теперь она не была просто «товарным чеком» или «редкостью» в коллекции шейха. Она была женщиной, которая нашла свою силу в самом сердце пустыни. Она миновала посты, используя тени, которые стали ей родными за эти недели. В ее голове зрел план — дерзкий, опасный, граничащий с безумием. Валериос не пошла к сейфу. Вместо этого она направилась в библиотеку Хакима. Ей нужны были не карты звездного неба. Ей нужны были чернила и бумага.

В библиотеке пахло сушеными травами и старыми знаниями. Изадора зажгла одну свечу и села за стол. Ее руки не дрожали. Она взяла калам и окунула его в чернила. Она писала быстро, копируя почерк, который видела в меморандуме Галлахера. Валериос создавала документ, который должен был стать ее щитом. «Приказ о немедленной депортации всех членов семьи аз-Заман в связи с передачей земель под протекторат». Если Нафиса думала, что британцы — ее союзники, Изадора собиралась показать ей, какую цену на самом деле готов заплатить Галлахер.

Закончив, она посыпала бумагу песком, чтобы чернила высохли, и свернула ее в тугий рулон.

— Теперь посмотрим, чья мудрость окажется глубже, — прошептала она.

Валериос вышла на террасу. Луна коснулась пика башни. Пора. Путь к южным воротам лежал через старые склады. Изадора чувствовала, как адреналин пульсирует в ее венах. Она видела фигуру в темном плаще, ждавшую ее в тени массивных ворот.

— Ты принесла это? — голос был мужским, резким. Посланник Нафисы.

— Сначала покажите мне отца, — Изадора высоко подняла голову.

Мужчина шагнул вперед, и свет луны упал на его лицо. Это был один из охранников Нафисы, человек с холодными, бесчувственными глазами.

— Он здесь, — незнакомец указал на маленькую дверь в стене. — Но если ты лжешь, ты умрешь рядом с ним.

Валериос вошла в тесное, зловонное помещение. На соломе в углу сидел человек. Его одежда превратилась в лохмотья, волосы спутались, но когда он поднял голову, Изадора узнала янтарные глаза своего отца.

— Изадора? — его голос был едва слышным стоном.

— Папа... — она бросилась к нему, но охранник преградил ей путь.

— Бумагу. Живо.

Валериос медленно достала свиток.

— Здесь то, что вы искали. Координаты и подписи. Но передайте своей госпоже: британцы уже начали действовать. Этот документ — их ответ на ее лояльность.

Охранник выхватил свиток и жадно развернул его. В этот момент за его спиной выросла тень.

— Я же говорил тебе, Зайд, что она не предаст, — раздался низкий, вибрирующий голос.

Малик вышел из темноты, его сабля была обнажена и тускло блестела. За ним стоял Зайд и еще пятеро воинов. Охранник попытался выхватить кинжал, но Зайд был быстрее. Короткий взмах — и мужчина осел на пол, не успев издать ни звука.

Малик подошел к Изадоре. Он посмотрел на ее отца, затем на фальшивый документ в руках убитого.

— Ты рискнула всем, — сказал он, глядя ей в глаза.

— У меня не было выбора, Малик. Они бы убили его. И они бы уничтожили тебя.

Шейх протянул руку и помог Эдгару подняться.

— Зайд, уведи его в безопасное место. Накорми и дай одежду.

Зайд кивнул и подхватил старика под руки. Эдгар посмотрел на дочь с такой смесью стыда и благодарности, что у нее сжалось сердце.

Когда они остались одни в сыром подвале, Малик притянул Изадору к себе.

— Нафиса сейчас в маджлисе, — сказал он. — Она ждет этот свиток. Она ждет доказательства твоего предательства, чтобы объявить меня безумным.

— Тогда давай дадим ей то, что она ждет, — Валериос подняла с пола свиток. — Но не так, как она рассчитывала.

Малик усмехнулся, и в этой усмешке была вся его любовь и всё его доверие.

— Ты действительно самая редкая вещь, которую я когда-либо встречал, Изадора Валериос.

Они вышли из башни. На востоке уже начала проступать тонкая, бледно-розовая полоска зари. Буря в пустыне утихла, но во дворце Каср-аш-Шамс она только собиралась разразиться.

Изадора шла рядом с Маликом, и ее рука лежала на его предплечье. Она знала, что впереди — решающая схватка. Но теперь она не боялась. Она была частью этой земли, этого замка и этого мужчины. И никакая сила в мире не могла забрать у нее эту вновь обретенную свободу.

Глава 4

Холод камня просачивался сквозь подошвы туфель Изадоры, когда она шла по узкому переходу, ведущему к маджлису. Воздух здесь был иным — застоявшимся, тяжелым от запаха старого воска и столетнего страха. Малик шел впереди, его шаги не издавали ни звука, но Валериос видела, как напряжены его плечи под тяжелым шелком плаща. Зайд и его воины следовали тенью, их дыхание сливалось в единый ритмичный гул.

— Ты чувствуешь это? — прошептал Малик, не оборачиваясь.

— Что именно? — Изадора поправила свиток, спрятанный в широком рукаве. Ее пальцы все еще пахли чернилами и пылью подвала.

— Запах измены. Он пахнет как подгоревший ладан. Слишком сладко, чтобы быть правдой.

Они остановились перед массивными дверями, украшенными резьбой, изображающей битвы, которые давно превратились в легенды. Малик положил руку на рукоять своей джамбии. Его пальцы, длинные и сильные, побелели в суставах. Изадора коснулась его предплечья. Она чувствовала, как под кожей пульсирует ярость, сдерживаемая лишь стальной волей.

— Помни, — тихо сказала она, — они ждут зверя. Не давай им этого удовольствия. Будь правителем.

Малик глубоко вдохнул, закрыл глаза на мгновение, а когда открыл их, в его взгляде не осталось ничего, кроме холодного, расчетливого блеска звезд, которые он так любил изучать. Он кивнул стражникам. Двери распахнулись с тяжелым, стонущим звуком.

Зал маджлиса был залит светом сотен светильников, но тени в углах казались живыми. Старейшины сидели полукругом на низких диванах, их белые одежды сливались в одно сплошное пятно. В центре, на возвышении, сидела Нафиса. Она выглядела как королева древности: неподвижная, величественная, с лицом, застывшим в маске высокомерного терпения. Рядом с ней стоял Касим, ее племянник — был тем самым молодым человеком, чья внешность казалась сотканной из контрастов. Он не обладал классической красотой, но в его облике было что-то неуловимо притягательное, заставляющее задерживать на нём взгляд.

Ростом он был чуть выше среднего, но из-за своей природной худощавости и некоторой сутулости казался долговязым. В его фигуре не было ни атлетической мощи, ни изящества; скорее, это была угловатая пластика человека, который ещё не до конца привык к своему вытянувшемуся телу. Движения его были порывистыми и резкими, словно он постоянно куда-то спешил или пытался сбросить с себя невидимое напряжение.

Лицо Касима было узким, с высокими, острыми скулами и немного впалыми щеками. Кожа была бледной, почти прозрачной, что лишь подчёркивало его субтильное телосложение. Но главным в его облике были глаза — большие, тёмно-карие, почти чёрные. Они смотрели на мир с цепким, изучающим прищуром, в котором смешивались юношеский максимализм и лёгкая тень усталости. Взгляд этот был тяжёлым и пронизывающим, но стоило ему улыбнуться — а улыбался он редко и как-то криво, лишь одним уголком рта, — как лицо мгновенно преображалось, становясь почти мальчишеским.

Его тёмные волосы всегда находились в состоянии творческого беспорядка: густая чёлка постоянно спадала на лоб, и он машинальным жестом отбрасывал её назад длинными пальцами. В целом Касим производил впечатление человека замкнутого и немного отстранённого от суеты окружающего мира, но именно эта внутренняя тишина и делала его облик таким запоминающимся.

При появлении Малика по залу пронёсся шепот, похожий на шелест сухой травы.

— Племянник, — голос Нафисы прорезал тишину. — Мы уже начали беспокоиться. Ночь была долгой, и, судя по твоему виду, ты провел ее не в молитвах.

Малик прошел в центр зала, не кланяясь. Изадора шла на полшага позади, чувствуя на себе десятки оценивающих, враждебных взглядов. Она была здесь единственной женщиной с открытым лицом, единственной чужестранкой, и ее присутствие в святой святых крепости было для них осквернением.

— Совет собрался без моего приказа, — произнес Малик. Его голос, низкий и вибрирующий, заполнил пространство, отражаясь от куполообразного потолка. — В моем доме это называется заговором.

Один из старейшин, старик с лицом, похожим на сушеный финик, подался вперед.

— Мы собрались, чтобы обсудить будущее Каср-аш-Шамс, Малик. Мы слышали странные вещи. О британских кораблях, о договорах, которые ты подписываешь втайне от нас. И о женщине, которая заменила тебе советников.

Он указал дрожащим пальцем на Изадору. Она выдержала его взгляд, не моргнув. Внутри нее все дрожало, но внешне она оставалась каменной статуей.

— Эта женщина спасла вашу независимость, пока вы спали, — отрезал Малик. — Но мы здесь не для того, чтобы обсуждать мои симпатии. Мы здесь, чтобы обсудить предательство.

Нафиса тонко улыбнулась. Она медленно поднялась, и звук ее украшений прозвучал как предупреждение гремучей змеи.

— Предательство — это серьезное слово, Малик. Особенно когда его произносит человек, чей разум затуманен... увлечением. У нас есть доказательства того, что ты готов продать наши недра англичанам. Касим, покажи им.

Молодой человек выступил вперед, дрожащими руками протягивая кожаную папку. Но прежде чем он успел открыть ее, Изадора сделала шаг вперед.

— Не стоит утруждаться, господин Касим, — ее голос прозвучал удивительно чисто в этой напряженной тишине. — У нас есть документ поинтереснее.

Нафиса прищурилась. В ее глазах промелькнула тень сомнения.

— О чем ты говоришь, девчонка?

Изадора медленно достала свиток из своего рукава. Она чувствовала, как взгляды всех присутствующих сфокусировались на этой полоске бумаги. Это была ложь, написанная ее рукой, но в этом зале, полном интриг, ложь часто была правдивее реальности.

— Это копия приказа, перехваченного моими людьми два часа назад, — соврала Валериос, глядя прямо в глаза Нафисе. — Галлахер уже подписал его. В нем говорится о передаче правления в Каср-аш-Шамс «новому, более лояльному лицу» в обмен на полную экстерриториальность британских войск. И имя этого лица... — она сделала паузу, наслаждаясь тем, как поблдедел Касим. — Касим аль-Сайид.

В зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как трещит масло в лампах. Малик медленно повернулся к племяннику.

— Это правда, Касим? — спросил он тихо, и в этой тишине была скрыта смертельная угроза.

— Нет! Это ложь! — вскрикнул молодой человек, пятась к тете. — Она все врет! Она шпионка!

— Документ скреплен печатью консульства, — Изадора развернула свиток, показывая его старейшинам. Конечно, печать была подделкой, искусно вырезанной Хакимом на куске сырого картофеля и оттиснутой на воске, но в полумраке зала, для людей, которые редко видели официальные британские бумаги, она выглядела абсолютно подлинной. — Нафиса обещала вам стабильность. Но она купила ее ценой ваших жизней. Галлахер не хочет союза. Он хочет плацдарм.

Валериос перевела взгляд на Нафису. Матриарх стояла неподвижно, но ее ноздри гневно раздувались. Она поняла, что ее переиграли ее же оружием.

— Ты... — прошипела Нафиса. — Ты змея, которую мой племянник пригрел на груди.

— Я — та, кто знает цену словам, Нафиса, — парировала Изадора. — Вы хотели использовать моего отца, чтобы заставить меня предать Малика. Вы думали, что я слаба, потому что я женщина и пленница. Но вы забыли, что в Смирне мы учимся торговать раньше, чем ходить. И я никогда не заключаю сделок, которые мне невыгодны.

Малик шагнул к Нафисе. Его рука по-прежнему лежала на джамбии, но теперь он не выглядел разгневанным. Он выглядел разочарованным.

— Уйди, тетя, — сказал он. — Уведи Касима. Вы останетесь в своих покоях под охраной Зайда, пока я не решу вашу судьбу. Если бы не кровь моего отца в твоих жилах, ты бы не покинула этот зал живой.

Нафиса посмотрела на него с такой ненавистью, что Валериос стало холодно. Затем она перевела взгляд на Изадору. В этом взгляде было обещание: это еще не конец.

— Ты думаешь, ты победила? — прошептала Нафиса, проходя мимо нее. — Ты просто привязала себя к тонущему кораблю. Малик аз-Заман слишком честен для этого мира. Он сгорит, и ты соришь вместе с ним.

Когда за Нафисой и Касимом закрылись боковые двери, старейшины начали испуганно переглядываться. Тот самый старик с лицом-фиником поднялся и низко поклонился Малику.

— Мы... мы не знали о намерениях англичан, шейх. Мы лишь хотели мира.

— Мир, купленный предательством, — это рабство, — Малик обвел их взглядом. — Идите. И помните: в следующий раз я не буду так милосерден. Крепость Солнца не прощает измены.

Зал опустел быстро. Остались только Малик, Изадора и Зайд, стоящий у входа. Валериос почувствовала, как у нее подгибаются колени. Напряжение последних часов начало спадать, оставляя после себя пустоту и дрожь в руках. Она прислонилась к колонне, пытаясь унять сердцебиение. Малик подошел к ней. Он не сказал ни слова, просто взял ее за руку. Его ладонь была горячей, надежной. Шейх потянул ее на себя, и Изадора уткнулась лицом в его плечо. От него пахло кожей, ветром и чем-то неуловимым, что она теперь называла запахом дома.

— Ты сделала невозможное, — прошептал он ей в волосы. — Ты спасла мой трон.

— Я спасла себя, — глухо ответила она. — Без тебя я здесь никто, Малик. Просто красивая вещь в чужой коллекции.

Он отстранился, взял ее лицо в ладони и заставил посмотреть на него. В его глазах отражался свет затухающих ламп.

— Ты никогда не была вещью. Ты — сердце этой крепости. Пойдем со мной. Ночь заканчивается, а нам еще нужно встретить рассвет.

Они вернулись в его личные покои — те самые, где находилась обсерватория. Здесь было тихо, только ветер по-прежнему пел свою бесконечную песню в щелях купола. Малик приказал слугам принести вина и фруктов, а затем выслал всех.

Изадора стояла у окна, глядя на то, как край неба начинает светлеть. Горы Хаджар проступали из темноты, похожие на спящих великанов.

— Твой отец... — начал Малик, подходя к ней сзади.

— Хаким осматривает его, — перебила она. — Он сказал, что папа поправится. Но он не может оставаться здесь, Малик. Его присутствие — это рычаг для Нафисы.

— Я знаю. Завтра, когда уляжется пыль, Зайд отвезет его в Маскат под надежной охраной. Оттуда он сможет сесть на корабль до Смирны.

Валериос обернулась. Ее глаза были полны слез, которые она так долго сдерживала.

— Он продал меня. Он отдал меня за свои карточные долги, как мешок пряностей. И все же... я не смогла дать ему умереть.

Малик притянул ее к себе, его руки сомкнулись на ее талии. Он понимал эту двойственность — любовь к тем, кто нас предает, долг перед кровью, которая иногда кажется ядом.

— Ты сильнее его, Изадора. Твое прощение — это не слабость. Это твоя высшая власть.

Он начал целовать ее — сначала осторожно, пробуя на вкус соль ее слез на щеках, затем все более настойчиво. Напряжение, копившееся в зале маджлиса, страх потерять ее, ярость от предательства семьи — все это трансформировалось в мощный поток желания. Изадора ответила на поцелуй с какой-то отчаянной жадностью. Ей нужно было чувствовать его, нужно было убедиться, что они живы, что они здесь, в этой хрупкой реальности, которую они только что отвоевали у тьмы.

Малик подхватил ее на руки и перенес на широкую кровать, застеленную шелковыми покрывалами. В полумраке его тело казалось еще более мощным, почти сверхъестественным. Он снимал с нее одежду медленно, задерживаясь на каждом открывающемся участке кожи. Его пальцы скользили по ее плечам, груди, животу, оставляя за собой дорожки огня. Лишь когда она осталась полностью обнаженной, Малик замер на мгновение, любуясь ею. Свет зари начал проникать в комнату, окрашивая ее оливковую кожу в перламутровые тона. Ее каштановые кудри рассыпались по подушкам, глаза горели янтарным светом.

— Ты — самая опасная из всех моих тайн, — прошептал он, сбрасывая свои одежды.

Его тело было атлетическим, испещренным шрамами, которые рассказывали историю борьбы за выживание. Когда шейх опустил на нее, Изадора почувствовала приятную тяжесть его мышц. Его кожа была горячей, сухой и пахла так, как пахнет пустыня перед дождем — озоном и предвкушением.

Он вошел в нее медленно, глядя прямо в глаза. Изадора выгнулась навстречу, ее ногти впились в его спину. Это не была просто страсть. Это было слияние двух душ, которые нашли друг друга в самом неподходящем месте в самое неподходящее время. Каждое его движение было наполнено смыслом, каждое прикосновение было признанием в любви, которую они оба все еще боялись облечь в слова.

— Малик... — выдохнула она, ее голос сорвался.

— Я здесь, — прохрипел он, ускоряя ритм. — Я с тобой.

Мир вокруг них перестал существовать. Не было больше интриг Нафисы, не было Галлахера с его жадными договорами, не было разорившегося отца. Были только они — двое людей, запертых в крепости на краю света, создающих свою собственную вселенную из пота, дыхания и взаимного обладания.

Когда наслаждение накрыло их — мощное, сокрушительное, как обвал в горах, — Изадора закричала, не пытаясь сдерживаться. Малик вжался в нее, его тело содрогалось в экстазе, и в этот момент она почувствовала, что он принадлежит ей так же полностью, как и она ему. Не как шейх пленнице, а как мужчина женщине.

Они долго лежали в тишине, переплетаясь телами, пока солнце окончательно не поднялось над горизонтом. Свет залил комнату, делая все четким и реальным. Малик приподнялся на локте, убирая прядь волос с ее лба.

— Галлахер не отступит, — сказал он тихо. — Твой документ напугал его, но он вернется. С пушками и солдатами.

— Я знаю, — Изадора прижалась к его груди, слушая мерный стук сердца. — Но теперь он не сможет купить нас изнутри. Мы выиграли время, Малик.

— Что ты будешь делать, когда твой отец уедет? — он внимательно посмотрел на нее. — Ты можешь уехать с ним. Я дам тебе золото, обеспечу безопасность до самой Смирны. Ты будешь свободна.

Валериос замолчала. Она посмотрела на свои руки — на них больше не было чернильных пятен, но она чувствовала их след. Она посмотрела на этого человека, который стал ее тюремщиком, ее любовником и ее единственным союзником.

— Свобода в Смирне пахнет пылью и скукой, Малик. Там я буду просто «дочерью Валериоса», женщиной, которая должна выйти замуж за подходящего торговца и молчать за обедом. - Она села, натягивая простыню на грудь. — Здесь, в этой крепости, я — та, кто меняет ход истории. Я — та, кто читает звезды и договоры. Здесь я впервые почувствовала, что моя жизнь принадлежит мне. Даже если формально я принадлежу тебе.

Малик улыбнулся — на этот раз открыто, тепло. Он сел рядом, взяв ее руку.

— Ты никогда не принадлежала мне, Изадора. Ты — стихия. А стихию невозможно присвоить. Ею можно только восхищаться. - В этот момент раздался резкий стук в дверь. Малик нахмурился и набросил халат. — Кто там?

— Мой шейх! — голос Зайда был встревоженным. — Срочное донесение из порта. Британский фрегат вошел в бухту. И на нем не только Галлахер. С ним прибыл специальный посланник королевы.

Малик переглянулся с Изадорой. В ее глазах он увидел не страх, а ту самую искру вызова, которая когда-то привлекла его в ней.

— Похоже, рассвет будет коротким, — сказал он, вставая.

— Пусть приходят, — Валериос тоже поднялась, ее взгляд стал холодным и решительным. — У нас есть то, чего нет у них. Мы знаем их правила. А они наши — нет.

Спустя час Изадора стояла на крепостной стене, глядя вниз, на долину. Воздух был прозрачным, и вдалеке, там, где небо встречалось с морем, виднелся тонкий силуэт военного корабля. Это была угроза, материализованная в дереве и металле. Рядом с ней стоял Хаким. Старик выглядел уставшим, его глаза слезились от яркого света.

— Ты видишь это, дитя? — спросил он, указывая на фрегат. — Мир меняется. Раньше враги приходили на верблюдах и с мечами. Теперь они приносят с собой пар и электричество.

— Мы тоже можем измениться, Хаким, — ответила Изадора. — Малик строит телеграф. Он изучает звезды. Мы не дикари, которых нужно «цивилизовать».

— Для них мы — препятствие на пути к богатству. Твоя хитрость в маджлисе дала нам передышку, но Галлахер теперь знает, что против него играет кто-то умный. Он будет действовать жестче.

— Пусть попробует, — Изадора почувствовала на своем плече руку Малика. Он подошел незаметно, уже одетый для встречи гостей — в строгом черном кафтане, с оружием на поясе. Его лицо было спокойным, но в глазах застыла решимость.

— Зайд привел твоего отца, — сказал он Изадоре. — Он хочет попрощаться.

Эдгар Валериос выглядел тенью самого себя. Он опирался на трость, его лицо было бледным, но глаза прояснились. Он подошел к дочери и долго смотрел на нее, словно видел впервые.

— Изадора... — он запнулся. — Я не заслужил твоей помощи.

— Не заслужил, — согласилась она сухо. — Но я сделала это не для тебя. Я сделала это для той девочки, которой я была в Смирне. Чтобы она знала: она сильнее своей судьбы.

Эдгар опустил голову. Из его глаз выкатилась слеза и исчезла в седой бороде.

— Прости меня. Если сможешь.

— Уезжай, отец. Живи своей жизнью. И больше никогда не играй на то, что тебе не принадлежит.

Она отвернулась, не в силах больше на него смотреть. Малик сделал знак Зайду, и воины увели Эдгара к каравану, который ждал у подножия скалы. Изадора смотрела, как они удаляются, превращаясь в маленькие точки на фоне бесконечного песка. Она чувствовала, как последняя нить, связывающая ее с прошлым, натягивается и рвется с тихим звоном.

— Ты в порядке? — тихо спросил Малик.

— Да. Теперь я действительно здесь. Всем сердцем.

Валериос посмотрела на море, британский корабль медленно разворачивался, готовясь спустить шлюпки. Она знала, что Галлахер приведет с собой не только новые требования, но и новые обвинения. Но теперь ей было все равно. Она вошла в эту крепость как залог. Она выжила в ней как тень. А теперь она станет ее голосом.

— Малик, — она повернулась к нему, ее голос был твердым. — У Галлахера есть слабость. Он тщеславен. Он хочет не только нефть, он хочет орден за «мирное урегулирование». Мы дадим ему этот орден. Но на наших условиях.

Малик улыбнулся, и в этой улыбке была гордость.

— Расскажи мне.

Они пошли вдоль стены, обсуждая детали нового плана, пока солнце поднималось все выше, выжигая тени в долине Вади-эль-Шамс. Крепость Солнца стояла незыблемо, впитывая жар нового дня. Впереди была война — политическая, экономическая, а возможно, и настоящая. Но в этот момент, глядя на мужчину рядом с собой, Изадора знала: она больше не пленница. Она — соавтор судьбы, которую они будут писать вместе, чернилами и кровью, на раскаленных страницах истории.

Глава 5

Серебристая дымка рассвета еще дрожала над заливом, когда первый пушечный залп разорвал тишину Каср-аш-Шамс. Это не был призыв к бою — это был салют, формальное требование внимания, но в замкнутом пространстве каньона звук отозвался утробным рыком, от которого задрожали тонкие стекла в обсерватории.

Изадора стояла у самого края террасы, вцепившись пальцами в шершавый песчаник парапета. Ветер, прилетевший со стороны моря, принес с собой непривычный, почти забытый аромат: соленая горечь, йод и тяжелый, маслянистый дух угольного дыма. Внизу, в лазурной чаше гавани, стоял британский фрегат. Его высокие мачты казались тонкими иглами, пронзающими небо, а черные борта с открытыми пушечными портами напоминали оскаленную пасть хищника.

— Они не стали ждать приглашения, — раздался за спиной низкий голос Малика.

Валериос не обернулась. Она чувствовала его приближение кожей, по тому, как воздух за ее спиной внезапно стал теплее. Малик остановился рядом, его плечо почти касалось ее. На нем был простой дорожный кафтан, но на поясе, в расшитых ножнах, покоилась джамбия

с рукоятью из слоновой кости — знак того, что сегодня он не просто ученый, а правитель, готовый защищать свои земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.